ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

DOI: 10.12737/jfcl.2020.016

ПРАВОПОРЯДОК И ИНТЕРЕС В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

ЧЕРНОГОР Николай Николаевич, заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор РАН

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34

E-mail: chernogor72@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Александр Сергеевич, главный научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34

E-mail: adm1@izak.ru

В статье рассматриваются отдельные направления развития компаративного метода юриспруденции, обусловленные необходимостью включения в состав объектов сравнительного правоведения правопорядка и интересов. На основе отечественных и зарубежных источников раскрываются существующие между ними взаимозависимости. Материалом для исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области сравнительного правоведения, а также философии и теории права.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные научные методы, такие как диалектический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, системный подход.

В ходе проведенного исследования раскрываются значение правопорядка как объекта сравнительного правоведения, понятие интереса и классификация интересов в праве. Рассматривается процесс влияния зарубежных правовых систем на правовое поле Российской Федерации. Авторы, признавая всю ценность современного сравнительного правоведения и юридической географии мира, выделяют новые критерии, в соответствии с которыми происходит дифференциация и интеграция различных правовых систем, международного, наднационального, национального, транснационального и субнационального уровней. Для обозначения данных критериев в научный оборот вводятся такие понятия, как изонома, изоарха и изодика, обозначающие правовые явления, объединяющие различные правовые системы и правопорядки и носящие нормативный, институциональный и аксиологический характер соответственно.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, компаративный метод, правопорядок, интерес, частный интерес, публичный интерес, законный интерес, система права, правовая система, интеграция и дифференциация общества.

Для цитирования: Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Правопорядок и интерес в контексте развития сравнительного правоведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 5—25. DOI: 10.12737/jfcl.2020.016

LAW AND ORDER AND INTEREST IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE LAW DEVELOPMENT

N. N. CHERNOGOR, A. S. EMELIANOV

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: chernogor72@yandex.ru; adm1@izak.ru

The article considers certain directions of developing a comparative method in jurisprudence, which are conditioned by the need to include law and order and interests in the objects of comparative law. Based on domestic and foreign sources, the authors reveal the existing interdependencies between them. The research literature is the works of domestic and foreign researchers in the field of comparative legal studies, as well as philosophy and theory of law.

The methodological basis of the research is based on general scientific and private scientific methods, such as dialectical method, analysis and synthesis, deduction and induction, comparative legal and historical legal methods, and a systematic approach.

The research reveals the significance of the rule of law as an object of comparative law, the concept of interest and the classification of interests in law. The process of influence of foreign legal systems on the legal field of the Russian Federation is considered. The authors recognize the full value of modern comparative law and the legal geography of the world, and hence, identify new criteria for differentiation and integration of various legal systems, international, supranational, national, trans- and subnational levels. In order to underline these criterias the authors introduce sonoma, itara and sodica concepts, which denote legal phenomena uniting various legal systems and the rule of law, and which are of a normative, institutional and axiological nature, respectively.

Keywords: comparative law, comparative method, law and order, interest, private interest, public interest, legal interest, system of law, legal system, integration and differentiation of society.

For citation: Chernogor N. N., Emelyanov A. S. Law and Order and Interest in the Context of Comparative Law Development. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 3, pp. 5—25. DOI: 10.12737/jfcl.2020.016 (In Russ.)

Необходимость использования сравнительного подхода к познанию права была осознана человеком еще в античный период. Так, Аристотель, исследуя политико-правовое устройство Эллады, сравнил конституции более 150 греческих полисов и варварских общин¹. В Средние века в целях решения прикладных задач преодоления правовых коллизий аналогичные исследования проводили глоссаторы и постглоссаторы. На философском уровне к данному методологическому приему уже в Новое время обращались Гуго Гроций и Джон Локк, Шарль де Монтескье и Готфрид Вильгельм Лейбниц. Каждый из них, как глоссаторы и постглоссаторы, решал вполне конкретные задачи, находясь в определенных исторических условиях. Например, Локк обосновывал через концепцию общественного договора приоритет парламента перед королем, что было актуальным в условиях Славной революции в Англии 1688 г.² Лейбниц же, находясь на службе различных имперских князей Священной Римской империи германской нации, стремился через концепцию относительного суверенитета аргументировать наличие у последних суверенных прав, признание их «лицами международного права»³. Однако каждый из названных ученых достиг в своих выводах максимального для того времени уровня обобщения, что объясняет интерес к их воззрениям и в наши дни.

Активное внедрение компаративных методов в правовые исследования приходится на прошлый век, что обусловлено возросшим уровнем международного правового сотрудничества. Данный методологический подход можно условно разделить на два направления: 1) собственно сравнительное правоведение; 2) юридическая география мира, каждое из которых имеет существенное значение в развитии современ-

ной юриспруденции. Несмотря на то что в их рамках было предпринято несколько попыток неким образом формализовать рассматриваемую методологию познания права, наиболее удачными признаются результаты деятельности французского компаративиста Рене Давида, предложившего объединять правовые системы различных стран в правовые семьи, что поставило всю юридическую компаративистику на принципиально новый уровень развития⁴. По мнению ученого, на момент проведения соответствующих исследований в мире действовали романо-германская (континентальная), англосаксонская, социалистическая семьи. В то же время автор выделял переходные правовые системы, в которых в том числе доминируют религиозные положения или обычное право. В силу того что семья социалистического права в свое время выделилась из романо-германской правовой семьи, после распада СССР и социалистического лагеря большинство национальных правовых систем вновь были поглощены последней. Подчеркнем, что представители немецкой компаративистики предпочитают рассматривать отдельно романскую правовую семью, в основе которой лежит Кодекс Наполеона, отдельно — германскую, признавая отличие германской кодификации гражданского законодательства от французской⁵.

В зарубежных источниках по сравнительному правоведению указывается, что познавательные возможности последнего позволяют решить задачу по более глубокому постижению собственных правовых систем⁶ через их оценку как бы со стороны, с определенной дистанции⁷. Данная позиция разделяется и отечественными исследователями. В связи с этим М. Н. Марченко подчеркивает, что результатом применения сравнительно-правового подхода может стать вывод, что некоторые правовые нормы и ин-

¹ См.: Аристотель. Афинская полития // Политика. М., 1997. С. 271—343.

² См.: Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 135—406.

³ О работе Г. В. Лейбница “Caesarinus Fürstenerius (De Suprematu Principium Germaniae)” («О верховенстве князей Германии») 1677 г. см., например: Башкина О. Г. В. Лейбниц о разделении суверенитета // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 3. С. 93—105).

⁴ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1998.

⁵ См., например: Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: в 2 т. М., 2019.

⁶ См., например: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 5—7.

⁷ См., например: Bogdan M. Comparative Law. Kluwer, 1994. P. 28.

ституты, ранее воспринимавшиеся как достояние цивилизации, в действительности возникли в силу исторических причин и географических факторов, характерных для конкретной правовой системы, а все остальные или большинство из них могут прекрасно существовать и функционировать без них⁸.

При этом в отечественных источниках по сравнительному правоведению с сожалением отмечается, что ему свойствен ряд недостатков: 1) неверный выбор объектов сравнения; 2) нарушение системной связи исследуемых объектов; 3) механическое заимствование иностранных конструкций, понятий и терминов; 4) недооценка специфики национально-правовых обстоятельств; 5) схоластичность познания; 6) игнорирование информации о факторах и степени действия закона и др.⁹

Таким образом, признавая успешность современной компаративистики и ее значение для развития юридической науки в целом, необходимо обратить внимание на ряд познавательных задач, решение которых позволит повысить эффективность правовых исследований как на национальном уровне, так и в рамках международного правового сотрудничества. По мнению авторов, самостоятельное значение имеют следующие: 1) обоснование значения конкретного правового порядка как объекта сравнительного правоведения; 2) рассмотрение интереса в качестве фактора образования правовых систем и формирования соответствующего правового порядка; 3) установление обстоятельств, которые позволяют считать различные правовые порядки близкими друг другу или принципиально различными.

Значение категории «правовой порядок» в сравнительном правоведении¹⁰. В первую очередь подчеркнем, что существование правового порядка следует признать объективной реальностью. Он не создается в мыслях и представлениях человека. Современный уровень познания права требует принципиаль-

ного отрицания любого идеализма, объективного или субъективного, скрытого и явного. Если для римского права были естественными и необходимыми «сакральные костыли», то наше время предполагает рассмотрение правового порядка на общедоступном языке знаний при использовании всего арсенала, заложенного в понятийно-категориальный аппарат современной науки. Последний же позволяет выделить в правовом порядке наивысшую степень социальной целесообразности, степень гармонического соответствия и сочетания противоречивых элементов во всяком общественном устройстве, всякой общественной организации, достигнутого баланса различных личных, государственных и общественных интересов.

В свою очередь, человек воспринимает правовой порядок инстинктивно, т. е. он закрепился в человеческом подсознании благодаря памяти всех предшествующих поколений с их бессознательным опытом и опытом осознаваемым. Поэтому каждое проявление правового порядка, каждый акт и конструкт, каждый институт и концепт — это целесообразное решение, выработанное обществом в целом и конкретной культурно-исторической общностью в частности как результат естественного отбора или найденное человеком в его поисках правомерного, т. е. наиболее правильного для данного общественного отношения.

Руководствуясь диалектическим подходом, трудно увидеть, что правовой порядок — это достигнутое единство в борьбе противоположностей, то самое «золотое сечение» между двумя сторонами всякого социального явления или процесса, которое было установлено еще древними греками и определено через понятия меры и закона¹¹. При этом существует некая объективная реальность, воспринимаемая как безусловная социальная целесообразность, которая и выражается в понятии правового порядка. Она должна восприниматься каждым, без различия пола и возраста, профессии и образования, социального и имущественного положения.

Безусловно, в праве есть и другой аспект, выраженный в субъективных правах, законных интересах и свободах. Именно он, как правило, превалирует в практической деятельности большинства практикующих юристов, именно через него они обращаются к самой идее правового порядка, что порой ведет к попыткам выдать именно его, вольно или невольно, за подлинное упорядочение общественной жизни. Однако только подход, в основе которого лежит признание объективности правового порядка, выделение в нем высшей социальной целесообразности, собственно, и должен лежать в основе инструментария и быть конечной целью профессиональной деятельности юриста. Он должен быть близок и понятен всем и каждому, он действительно является подлинным отражением объективности правового порядка и заложенной в нем

⁸ См.: Марченко М. Н. Место и роль сравнительного правоведения в системе научных и учебных дисциплин // Методология сравнительного правоведения: матер. конф. (Москва, 5 декабря 2011 г.) / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2012. С. 16.

⁹ См.: Тихомиров Ю. А. Критерии сравнительно-правового анализа национальных законодательств // Методология сравнительного правоведения: матер. конф. (Москва, 5 декабря 2011 г.) / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2012. С. 32.

¹⁰ Правовой порядок неоднократно становился предметом исследовательского интереса авторов. Поэтому, избегая повторения высказанных ранее идей, предлагаем заинтересованному читателю по вопросам понятия и содержания правового порядка обратиться к ранее опубликованным работам (см., например: Емельянов А. С., Черногор Н. Н. Правовой порядок: экономическое поведение и его правовая форма // Законодательство и экономика. 2016. № 8. С. 21—35; Общее учение о правовом порядке: восхождение правового порядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019. 348 с.)

¹¹ См.: Аристотель. Никомахова этика. М., 1997. 239 с.

высшей социальной целесообразности, исполняя самую великую задачу, стоящую перед человечеством после того, как оно накормлено, одето и вылечено, и даже наравне с этими первичными задачами.

Характеризуя правопорядок как объективную реальность, подчеркнем, что он выступает обратным отражением. Право как социальный регулятор отражает общественные отношения в общественном сознании. В свою очередь, будучи результатом действия права, правопорядок выражает состояние упорядочения общественных отношений.

Отражение общественных отношений в общественном сознании через право является прежде всего процессом осознания частных и публичных интересов, придания им некой формализованности в правовых идеях и ценностях, концептах и конструкциях, нормах и институтах. В свою очередь правопорядок есть закрепление указанных интересов в конкретных правоотношениях через субъективные права и юридические обязанности их участников.

Если рассматривать всю ту огромную область знаний, которая связана с философским и теоретическим осмыслением права в его развитии, то неизбежно возникает дилемма сохранения единства предмета исследования и его дифференциации.

С одной стороны, правовая реальность едина, она не может и не должна разрываться различными науками. Научное познание права не должно основываться на жестком разделении его предметов, уровней и аспектов, тем более недопустимо их абсолютизирование.

С другой стороны, современной тенденцией научного познания является все большая степень его дифференциации, разделение некогда единой науки на различные отрасли, все более отдаляющиеся друг от друга не только методологически, но и предметно. Только в последние десятилетия началась ее корректировка, связанная с появлением отдельных интегративных образований в науке. В связи с этим не менее ошибочно игнорировать пусть и условные, но все же границы между отдельными областями исследования, выделение которых через углубление научного познания позволит достичь принципиально новых результатов, поскольку невозможно одновременно продуктивно решать задачи сразу на всех уровнях, характеризовать сходство и различие, стабильность и развитие. Всякая концепция, предполагающая дать ответ сразу на все вопросы, будет отвергнута как догматическая.

В этом и состоит методологическая проблема, вытекающая из указанной дилеммы, как наилучшим образом разделить исследовательский массив, обеспечив возможность свободного перехода из одной области знаний в другие. Применительно к правовому регулированию такой интегративной категорией, обеспечивающей переход из юриспруденции в историю права, из истории в философию, из философии

права в его социологию и политологию, из них в правовую информатику и назад в юриспруденцию, представляется правопорядок. Через эту категорию могут быть свободно охарактеризованы различные проявления правовой реальности, дана их оценка, обозначены перспективы развития, но при этом сохранено единство понятийно-категориального аппарата и обеспечена методологическая преемственность.

Однако несмотря на то, что рассматриваемая категория была введена в научный оборот еще в XIX в., широко используется не только на доктринальном уровне, но и в законодательстве, она остается в том состоянии, которое позволяет исследователям использовать ее в различных значениях. Такие полиаспектность и полифункциональность понятия правопорядка во многом обусловлены не только исследовательскими потребностями, но и незавершенностью процесса ее включения в научный аппарат.

В России одним из первых данный термин использовал Г. Ф. Шершеневич, видевший в правопорядке то, что объединяет субъективные права и юридические обязанности в единое целое, обеспечивая осуществление первых и неизбежность исполнения вторых: «Человек есть субъект права — это значит, он находится в определенных, нормированных или признанных правом отношениях к правопорядку. Субъект в юридическом смысле не есть поэтому существо или субстанция, а данная извне, созданная волею правопорядка способность»¹². Здесь не случайно обращение к творчеству именно указанного автора, которого можно считать родоначальником отечественного юридического позитивизма. Его заслуга состоит в теоретическом обосновании самостоятельности права как социального регулятора, обусловившего выход правопорядка как научной категории на завершающий виток своего развития.

Понятие правопорядка было популярно и у других юристов, например у И. А. Ильина, подразумевавшего под этим понятием всю совокупность правоотношений¹³.

В советской юридической литературе понятие правопорядка использовалось для обозначения такого состояния общественных отношений, которое характеризуется упорядоченностью, урегулированностью¹⁴, а также системы общественных отношений, урегулированных правом¹⁵, реализации правовых норм, права в его действии¹⁶.

¹² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 204.

¹³ См.: Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 308.

¹⁴ См., например: Алексеев С. С. Теория государства и права. М., 1986. С. 307.

¹⁵ См., например: Рабинович П. М. Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975. С. 67—68.

¹⁶ См., например: Явич Л. С. Социалистический правопорядок. Л., 1972. С. 8, 16—23.

При этом для большинства исследователей (С. С. Алексеева, А. М. Васильева, И. С. Самощенко и др.) правопорядок — это в первую очередь состояние урегулированности общественных отношений нормами права. Через такой подход акцентируется внимание на том, что он вносит в общественную жизнь упорядоченность, организованность, устойчивость, характеризуя их степень. При этом правопорядок представляется состоянием общественных отношений, определенным или установленным правом. Здесь правопорядок рассматривается как цель правового регулирования общественных отношений. Однако правопорядок не только цель (некий идеал), но и итог правового регулирования, т. е. реально существующая упорядоченность общественных отношений.

Развивалось и иное направление научного познания правопорядка, предполагавшее его рассмотрение с позиции реализации правовых норм, социального действия права¹⁷. В этом контексте Л. С. Явич отмечает, что правопорядок является составной частью общественного порядка, т. е. порядка в фактических общественных отношениях. Данный подход предполагает рассмотрение правопорядка как особого состояния фактически существующих общественных отношений, опосредованных правом, т. е. существующих в форме правоотношений¹⁸.

В современных исследованиях правопорядок рассматривается как завершающий этап всех юридических форм и процессов, в рамках которого реально обеспечиваются осуществление субъективных прав и исполнение юридических обязанностей всеми участниками правоотношений¹⁹. В этом контексте понятие правопорядка конкретизируется через: 1) «определенную систему общественных отношений, складывающуюся на основе права и законности»²⁰; 2) «основанную на праве и законности организацию общественной жизни, отражающую качественное состояние общественных отношений»²¹; 3) «состояние фактической упорядоченности общественных отношений, выражающих реальное, практическое осуществление требований законности»²²; и т. п.

Правопорядок рассматривается и как один из ключевых элементов такой социальной системы, како-

вой выступает государство. В этом качестве, по мнению Ю. А. Тихомирова, правопорядок стоит в одном ряду с гражданами (народом, нацией, населением), публичной (государственной) властью, территорией и государственными границами, официальным представительством в международном сообществе. Связи между перечисленными элементами устойчивые и подвижные, и их забвение чревато государственными ошибками. Эти ошибки обнаруживаются в ходе развития государства, когда накапливаются изменения, меняются построение и компетенция государственных институтов, политические курсы и режимы; проводятся реформы; совершаются государственные перевороты²³.

В последние годы распространилась практика использования понятия «правапорядок» для обозначения юрисдикционных полномочий государства и его органов²⁴. Схожесть понятий «правапорядок» и «юрисдикция» прослеживается, например, и в Конституции США, точнее в тринадцатой поправке к ней 1865 г., запрещающей рабство: «В Соединенных штатах или в каком-либо ином месте, подчиненном их юрисдикции, не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение...»²⁵.

Несмотря на то что ни в советский период, ни в настоящее время на доктринальном уровне не была достигнута согласованная позиция в части понимания рассматриваемой категории, сам термин «правапорядок» начал широко использоваться в законодательстве (см., например, ст. 167, 169, 181⁵ ГК РФ, ст. 2 ГПК РФ, ст. 167 СК РФ, ст. 13.5 КоАП РФ, ст. 374 НК РФ и др.).

Подход, сложившийся в отношении понимания правопорядка в европейской юриспруденции, несколько отличается от российского. В Западной Европе под правопорядком (*legal order*), как правило, понимается система правовых норм, сгруппированных в соответствии с определенным принципом²⁶. И в этом качестве данная категория европейской юриспруденции во многом близка российской — «правовая система».

Однако рассмотрение правопорядка исключительно в формально-юридическом (доктринальном) контексте в корне неверно. Данное понятие значитель-

¹⁷ См., например: Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. 286 с.; Казимирчук В. П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 37—44.

¹⁸ См.: Явич Л. С. Общая теория права. С. 198.

¹⁹ См., например: Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2010. С. 217.

²⁰ Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2001. С. 197.

²¹ Шабуров А. С. Теория государства и права. М., 1997. С. 457.

²² Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994. 92 с.

²³ См.: Тихомиров Ю. А. Суверенитет в условиях глобализации // Право и политика. 2006. № 11. С. 41.

²⁴ См., например: Артемьева Ю. А., Борисова Е. А., Ермакова Е. П. и др. Способы разрешения споров в разнотипных правопорядках: учеб. пособие. М., 2017. 424 с.

²⁵ Конституция Соединенных Штатов Америки. URL: https://www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution_Russian.pdf (дата обращения: 16.12.2019).

²⁶ См., например: Kelsen H. The Concept of the Legal order / translated by Stanley L. Paulson // Oxford Journal. 1982. No. 27 (1). P. 64—84; Bobbio N. Teoria dell'ordinamento Giuridico. Torino, 1960.

но шире своего специально-юридического значения. Не случайно оно зародилось не в рамках юриспруденции, а имеет философские корни, найдя отражение в работах Г. В. Ф. Гегеля, М. Вебера, Т. Парсонса, Н. Лумана, Э. Гидденса и ряда других авторов. На современном этапе развития гуманитарного дискурса учение о правопорядке требует рассмотрения трудов П. Бергера и Т. Лукмана, П. Бурдьё, Г. Д. Гурвича, Г. Радбруха, Ф. Хайека и др.

В европейской традиции моральной философии правопорядок, понимаемый через способ бытия права в социальном пространстве, занимает особое место. В этом качестве он обеспечивает доминирование юридических принципов и норм в процессе функционирования и развития современного общества, его способность к устойчивости и интеграции, разрешение социальных конфликтов правовыми средствами. Включение правопорядка в понятийно-категориальный аппарат моральной философии отражает универсальный характер права, который оно приобрело в последнее время.

Перечисленные функции правопорядка со временем получают освещение и в научных исследованиях юристов. В них признается, что правопорядок может раскрываться как в правовом, так и неправовом контексте, а его реализация может иметь неправовую форму. Социальная значимость правопорядка определяет основания для разработки соответствующих критериев (легитимность, гармоничность, стабильность и др.), комплексная реализация которых в современных условиях возможна только в рамках сильного централизованного государства и развитого гражданского общества.

Необходимо учитывать, что правопорядок — это понятие не только содержательное. Конкретный правопорядок имеет определенные пределы в пространстве, во времени и по кругу лиц. В этом взаимодействии указанные факторы образуют правовое поле, которое представляет собой его среду.

При этом в контексте сравнительного правоведения необходимо говорить о множественности правопорядков. Каждый из них имеет известную географическую и историческую определенность. Их отдельные предпосылки принадлежат еще предыстории человечества, а сами известные правопорядки выступают продуктом социальной дифференциации и интеграции, выражая их глубину и связь с конкретным ландшафтом, в дальнейшем преобразуя его, превращая в итоге в инфраструктуру.

Для отечественного и зарубежного дискурса традиционным является признание взаимосвязи, существующей между возникновением права, установлением правопорядка, с одной стороны, и переходом от первобытности к частнособственническим отношениям классового общества — с другой. Действительно, данный переход имел огромное значение в человеческой истории, будучи сопряжен с освобождением

от кровнородственных связей и усилением субъективного (личностного) начала в общественном развитии. Однако момент зарождения предпосылок формирования права и установления правопорядка следует отнести к более раннему периоду. Речь идет о событиях, получивших в марксистской традиции название «неолитическая революция», когда отдельные человеческие общины стали переходить от присваивающего хозяйства — охоты и собирательства — к экономике производящей, первоначально представленной земледелием и скотоводством²⁷. В данном явлении справедливо выделить не только указанный социально-экономический смысл, но и биологический. Если ранее человек был включен в пищевые цепочки в качестве одного из звеньев, то с этого момента он начал осознанно использовать другие биологические виды для удовлетворения собственных потребностей. Эти потребности не были связаны исключительно с питанием. Можно и нужно говорить о потребностях в энергии, транспорте и т. п. Речь идет не столько об использовании других биологических видов, сколько об их преобразовании. Наряду с естественным отбором появляется искусственный. В дальнейшем именно неолитическая революция стала базовой предпосылкой формирования современного индустриального и информационного общества, а также соответствующих им правопорядков.

Неолитическая революция определила дальнейшее развитие человеческого общества, обусловив трансформацию потребностей человека, когда они перестают основываться исключительно на рефлексах и инстинктах, приобретая форму интереса — социального, законного, конкретного. Человеческие общины начинают дифференцироваться не только по биологическому признаку (мужчины и женщины, взрослые и дети), но и по социальному (вожди, воины, работники). Однако такая дифференциация имела и негативную сторону: община утрачивает внутреннее единство, исчезает солидарность, существовавшая между ее членами. Ведущими мотивами общественного поведения становятся такие низменные стремления, как корыстолюбие и жажда власти. Существовавшие ранее механизмы социального регулирования, в основе которых преобладающими были морально-нравственные начала, уже не могут обеспечить нормальное взаимодействие между людьми. Как результат наряду с ними начинается размежевание внутри некогда единого социального регулятора, происходит зарождение морали, религии и права, начинается процесс кристаллизации их протоформ.

Внутренняя дифференциация общины была не единственной предпосылкой формирования правопорядка. Не менее значимы различные интеграцион-

²⁷ См., например: *Гринин Л. Е.* Производительные силы и исторический процесс. М., 2006.

ные процессы, позволявшие организовать взаимодействие различных семей и общин между собой, вплоть до их объединения в единую более крупную общину. Эти процессы протекали на различных уровнях — экономическом (хозяйственном), культурном, социальном, политическом, правовом и т. п. Если первые общины насчитывали несколько десятков человек, то крупнейшая община Древнего мира — римская (*civis Romanus*) — после того как в 212 г. император Каракалла даровал римское гражданство всем своим подданным, включала уже миллионы человек. В дальнейшем, когда наряду с общинами появились нации, высшей формой интеграции стало нациообразование. Начиная же с середины XIX в. интеграционные процессы стали приобретать глобальный характер.

Но именно неолитическая революция дала толчок развитию человеческого общества, результаты которого мы сейчас наблюдаем. История человечества не может быть воспринята как нечто единое. Научное познание предполагает вычленение определенных хронологических и пространственно-временных общностей. Речь идет о периодизации и типизации исторических явлений и процессов. Такие попытки предпринимались представителями различных наук. Так, классические историки выделяли Античность, Средние века и Новое время; экономисты акцентировали внимание на аграрной, аграрно-промышленной и индустриальной эпохах; К. Маркс и его последователи предложили формационный подход, выделив первобытный, политарный, рабовладельческий, феодальный и капиталистический способы производства; и т. п. Применительно к праву обычно реализовывался один из названных подходов, что, бесспорно, имело свое обоснование и приносило положительные плоды. Однако специфика права такова, что его история нуждается в собственной периодизации и типологизации правовых общностей, отражающих исключительно ему присущие особенности. Более того, речь должна идти не только и не столько о периодизации, а главным образом о типизации, поскольку представляется вполне допустимым одновременное существование разнородных правовых общностей, более того, одна такая общность может одновременно включать элементы, относящиеся к различным типам.

Достижение указанной цели представляется возможным посредством рассмотрения права через призму результата его действия, т. е. правопорядка. В настоящее время можно говорить о трех сформировавшихся типах правопорядка — архаичном, традиционном и современном²⁸. Наряду с ними все более четко обозначаются контуры правопорядка, отражающего специфику нового этапа общественного развития — информационного, цифрового, киберпространственного. Говорить о его сформированно-

сти преждевременно, однако отдельные предположения на этот счет уже допустимы и могут считаться достаточно обоснованными. Учитывая неравномерность общественного развития в различных странах и регионах Земли, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время представлены все названные типы правопорядков. Более того, в отдельных странах сложившийся тип правопорядка может и должен считаться смешанным, включающим отдельные элементы разных типов. Так, например, правопорядок Саудовской Аравии по такому признаку, как включенность в международный правопорядок, является бесспорно современным, в то же время существующая в этой стране форма правления, выражающаяся в особом статусе рода Сауда, — несомненный архаичный элемент, а тот факт, что в основе саудовского правопорядка лежит ислам, характеризует его как традиционный.

При рассмотрении исторического процесса с позиции генезиса современного правопорядка выделяются три взаимно усиливающиеся тенденции: 1) последовательная секуляризация права (правапорядка), т. е. его размежевание с религией, отказ от «сакральных костылей», приобретение самостоятельного значения как социального регулятора; 2) инфантилизация права, включение в число субъектов права все большего числа лиц, вне зависимости от их способности самостоятельно осуществлять свои субъективные права и исполнять юридические обязанности; 3) выделение в праве публичной составляющей, опосредующей общие для определенной группы лиц интересы таким образом, что соответствующие субъективные права и юридические обязанности не связываются с конкретным человеком. Все три тенденции характерны для любого правопорядка, но в каждом конкретном случае реализуются в большей или меньшей степени, что в итоге и определяет уникальность конкретного правопорядка, а также отражает уровень его развития, отнесение к определенному типу.

Подчеркнем, что названные тенденции — именно тенденции, а не достигнутый результат. Они выражаются в определенных процессах, которые далеко не прямолинейно поступательны, характеризуются неоднократными регрессиями — как общими, так и частичными. Ключевым из перечисленных процессов представляется первый. При этом право размежевывается не только с религией, но и моралью, приобретает всестороннюю самостоятельность. Справедливо говорить о нем даже как о самостоятельной форме общественного сознания. В наши дни данная тенденция достигает наивысшего уровня, о чем свидетельствует универсальность права как социального регулятора. Такую универсальность можно отметить у морали в архаичный период, а у религии — в традиционном обществе.

Познание конкретного правопорядка возможно только при условии точного определения его про-

²⁸ См.: Емельянов А. С., Черногор Н. Н. Указ. соч. С. 21—35.

странственно-временной локализации. Традиционно она устанавливалась через некое пространственно-временное образование, в рамках которого функционировало определенное государство. Так, В. И. Сергеевич использует для его обозначения термин «волость», иначе «власть». «Слово “волость” означает собственно всякую территорию, состоящую под одной властью, а потому одинаково употребляется как для обозначения целого государства, так и его административных делений, составляющих в правительственном отношении тоже одно целое, а также и для обозначения земель, состоящих в чьей-либо частной собственности, они тоже состоят под одной властью»²⁹. Такой подход был традиционным для всех исследователей до конца XIX в. Его современное обоснование предполагает, что именно государство выступает институциональной основой правопорядка, что отмечалось еще И. А. Ильиным³⁰.

Однако справедливой представляется и критика этого подхода. В. И. Сергеевич, не отходя от него, признает: «Наша древность не знает единого “государства Российского”, она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств»³¹. Фактически данный подход предполагает некую историческую ретроспективу, когда за основу берется существующее государство, а его проекция уходит в глубь времен. Однако, если рассматривать современный российский правопорядок как основу, то нет никаких оснований относить к нему даже в ретроспективном плане ни правопорядок ранней Руси, обеспечивающий функционирование мультимодальных торговых путей «из варяг в греки» и «из немцев в хазары», ни правопорядок Руси периода феодальной раздробленности. Тем более в контексте современного российского правопорядка нет оснований рассматривать правовые системы Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Сибирского ханства и т. п. Несколько сложнее обстоит вопрос с Ясой Чингисхана, правопорядками Московской Руси, Российской империи и Советского Союза. Однако и применительно к ним данный подход не может считаться полностью обоснованным, поскольку отсутствуют как формально юридическая преемственность, так и социально-экономическая основа. Аналогичные примеры наличествуют в истории всех современных государств, пожалуй, без исключения.

В прошлом веке были заложены основы трех новых подходов: цивилизационного, национального и регионального. По внутренней логике первый из них наиболее полно должен отражать все многообразие внутренних и внешних связей правопорядка как цивилизационного феномена.

Идея цивилизации имеет античные корни. Для древних греков цивилизованными были те народы, которые жили в полисах (πόλις). Наиболее завершенный вид данная идея получила только у И. Канта в § 45 его *Метафизических начал учения о праве*, где указывается, что государство (civitas) — это есть объединение множества людей под эгидой правовых законов³².

Первым понятие цивилизации раскрывает только Гегель, исходивший из того, что высшей трансцендентной силой, благим первоначалом, направляющим жизнь мироздания, ход человеческой истории, развитие общества и культуры, выступает Абсолютный Дух, т. е. Мировая Идея. Человеческая цивилизация является Его продолжением, а Он для нее — главным субъектом культурно-исторического процесса. Благодаря Его направляющему воздействию всемирный исторический процесс разворачивается закономерно и целенаправленно. Через хаос случайностей и пеструю паутину событий Он как высшее начало прокладывает свой путь³³. Основным инструментом этого процесса выступают противоречия, преодоление которых определяет содержание каждого исторического периода. Фактически для Гегеля цивилизация — это огромный исторический период, противоречия которого формируются вокруг идеи собственности и ее реализации. Именно она выступает краеугольным камнем цивилизации, отличая ее от предшествовавших периодов. Причем он восстает против понимания, согласно которому собственность считается чем-то позорным. Расправа с людьми, обладающими собственностью, считается им недопустимой, как и равенство, понимаемое через уравнилельное распределение собственности³⁴.

В дальнейшем в данном направлении идея цивилизации была развита Ф. Энгельсом через интерпретацию результатов исследований Л. Г. Моргана по истории и быту американских индейцев³⁵. Если Гегель концентрируется на идее собственности, то Энгельс обращает внимание также на семью и государство³⁶. Однако общим в их понимании цивилизации было то, что они рассматривали ее как единый всемирный период человеческой истории, противостоящий дикости и варварству.

³² См.: Кант И. *Метафизика нравов* // Критика практического разума. СПб., 1995. С. 366.

³³ См.: Гегель Г. В. Ф. *Феноменология Духа*. Философия истории. М., 2007.

³⁴ См.: Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 2007.

³⁵ См.: Морган Л. Г. *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Л., 1933.

³⁶ См.: Энгельс Ф. *Происхождение семьи, частной собственности и государства* // Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные произведения*: в 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 211—370.

²⁹ Сергеевич В. И. *Древности русского права*: в 3 т. М., 2007. Т. 1. С. 85.

³⁰ См.: Ильин И. А. *Указ. соч.* С. 154.

³¹ Сергеевич В. И. *Указ. соч.* С. 85.

Собственно же цивилизационный подход исходит из множественности цивилизаций. Его основоположниками в первой половине прошлого века были немецкий историк и философ О. Шпенглер³⁷ и английский исследователь А. Тойнби³⁸. Анализируя их труды, можно сделать вывод, что правопорядок может и должен выступать одной из наиболее значимых характеристик для каждой конкретной цивилизации, отражая ее своеобразие и находясь в теснейшем взаимодействии с другими ее феноменами.

Все достоинства цивилизационного подхода утрачивают значение в силу одного его недостатка — до настоящего момента так и не были сформулированы общепризнанные критерии разграничения различных цивилизаций. Так, А. Тойнби выделял 21 локальную цивилизацию. О. Шпенглер и российские представители этого течения (евразийцы и Л. Н. Гумилев) даже не ставили перед собой такую задачу, ограничиваясь рассмотрением конкретных цивилизаций: европейской — О. Шпенглер, евразийской — евразийцы и Л. Н. Гумилев. Отсутствует ответ на данный вопрос и в работах других сторонников рассматриваемого подхода. С формально юридической стороны цивилизационный подход также вызывает критику в части того, что внутри одной цивилизации может не проследиваться преемственность правопорядков. Но, главное, к настоящему времени сложилось более 250 концепций в понимании цивилизации, что окончательно обесценивает цивилизационный подход в компаративистике.

Национальный подход ставит в центр исследования нацию, народ в его политико-правовом значении. Здесь следует подчеркнуть, что древнегреческие исследователи противопоставляли нацию цивилизации. Если цивилизованными для них были народы, жившие полисами, то нациями они называли народы, не достигшие данного уровня развития. На данное обстоятельство прямо указывает Аристотель, обращаясь к зарождению афинской демократии³⁹. Фактически идея нации как государство- и правообразующего феномена начала приобретать актуальность в Новое время, когда идея общины (полиса) исчерпала себя.

В юриспруденции основоположником национального подхода можно считать К. Реннера, предметом исследований которого были проблемы нациообразования в Австро-Венгрии⁴⁰. Данный подход в контексте настоящего исследования близок традиции XIX в., ставившей в центр государство. Произошло только смещение этого центра с самого государства на носителя суверенитета в нем — народ (нацию).

Третий подход — региональный — в качестве такого центра предполагает не нацию, а регион, в рамках которого сформировались устойчивые политические, экономические, социокультурные связи⁴¹. Его возникновение объясняется в первую очередь тем, что одним из направлений современного политико-правового дискурса выступает стремление отказаться от идеи как национального, так и государственного суверенитета.

В контексте предмета настоящего исследования каждый из названных подходов не свободен от критики. Так, национальный подход единственный предполагает формально юридическую преемственность правопорядка внутри одной нации, поскольку именно она рассматривается в качестве единственно возможного носителя государственного суверенитета. Вместе с тем до настоящего времени отсутствует единство в понимании того, что собой представляет нация⁴². Кроме того, рассмотрение народа в политико-правовом контексте, т. е. как нации имеет весьма непродолжительную историю, не ранее конца XVI в. (применительно к Нидерландам), окончательно же данная категория и соответствующая политико-правовая реальность сложились на рубеже XIX—XX вв. Недостатками регионального подхода являются: несформированность понятия «регион», отсутствие не только формально юридической преемственности между правопорядками внутри региона, но и в отдельных случаях связей между действующими на соответствующей территории правопорядками.

Приведенные обстоятельства не позволяют остановиться на одном из названных подходов и строго следовать ему. Обоснованным представляется интегративный подход, когда в зависимости от конкретной познавательной задачи и связанных с ней обстоятельств избирается один или несколько из них, при этом такое избрание обосновывается отдельно в каждом конкретном случае. Основой же такого интегрирования и должен стать правопорядок, который наряду с правовой системой должен рассматриваться в качестве базового объекта сравнительно-правовых исследований.

Избрание правопорядка в качестве объекта сравнительно-правовых исследований требует классификации правопорядков. Ее основу, по нашему мнению, должно составлять выделение простых, сложных и сверхсложных правопорядков, а также систем правопорядков. Базисом данного подхода является уровень дифференциации.

Так, в простых правопорядках, которым соответствуют, например, ранние общины с незначитель-

³⁷ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

³⁸ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002.

³⁹ См., например: Аристотель. Афинская полития. С. 271—272.

⁴⁰ См.: Шпрингер Р. Национальная проблема. М., 2010. (Шпрингер Р. — псевдоним К. Реннера.)

⁴¹ См., например: Каннелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000. 344 с.

⁴² См., например: Nunez X.-M. The region as Essence of Fatherland: Regionalist variants of Spanish Nationalism (1840—1936) // European History Quarterly. 2001. Vol. 31 (4). P. 484—518.

ной численностью населения, имеет место простейшая внутренняя дифференциация, предполагающая максимум выделение вождей, воинов и работников. При этом переход из одной страты в другую максимально облегчен.

Примером такого правопорядка может служить Римская община первых веков республики. Здесь справедливо вспомнить о Луции Квинции Цинциннате — одном из первых римских диктаторов. Диктатор — это высший исключительный магистрат (должностное лицо) в Древнем Риме, обладавший практически неограниченной властью, но назначавшийся не более чем на шесть месяцев в случае непосредственной угрозы всей общине. В первый раз Цинциннат был назначен диктатором, когда несколько соседних народов стали угрожать Риму, окружив и почти уничтожив римскую армию. По свидетельству Тита Ливия, в это время Цинциннат пахал землю, зная, что его семья может умереть с голода, если посев не будет завершен в срок. Тем не менее он согласился возглавить остатки римской армии, провал блокаду и разбил неприятелей. На все это у него ушло шесть дней. Через 14 дней он сложил диктаторские полномочия и вернулся к сельскому труду. Описанное поведение Цинцинната традиционно приводилось римскими авторами как пример хорошего руководства, гражданской добродетели и скромности⁴³.

При возрастании уровня внутренней дифференциации общества происходит трансформация простых правопорядков в сложные. В Древнем Риме она связана с окончанием противостояния патрициев и плебеев, выразившимся в установлении должности народного трибуна. Правопорядок же, возникший после окончания пунических войн, может быть охарактеризован как сверхсложный. К сверхсложным правопорядкам справедливо отнести и те, которые в наши дни соответствуют суверенным национальным государствам.

В свою очередь принципы и нормы международного права следует признать основой системы правопорядков. Сложнее охарактеризовать над- и транснациональные институты, такие как Европейский и Евразийский союзы, Всемирная торговая организация и т. п. В зависимости от конкретных обстоятельств их можно рассматривать в качестве и институциональной основы самостоятельных правопорядков, и систем правопорядков.

Интерес как фактор образования правовых систем и функционирования правопорядков. Правопорядок представляет собой абсолютное выражение права, т. е. результат его действия, состоящий в особом состоянии общественных отношений, характеризующемся упорядоченностью, устойчивостью,

стабильностью, организованностью. Само же право в современных условиях выступает в качестве одного из важнейших социальных регуляторов, который наряду с моралью и религией обеспечивает надлежащее поведение людей. Закрепляя, регулируя и охраняя общественные отношения, оно активно способствует решению основных задач общественного развития. Через него выражаются интересы участников общественных отношений. Таким образом, правопорядок может считаться достигнутым, когда поведение участников конкретных общественных отношений правомерно, противоправное же поведение пресечено, а в отношении виновных лиц реализована юридическая ответственность.

Важно подчеркнуть, что правопорядок не может и не должен рассматриваться как некая автономная саморазвивающаяся система. Такой системой с некоторыми оговорками может быть признано право. Правопорядок является только его отражением, зависящим также от ряда внешних по отношению к праву факторов. Правопорядок не случайно назван отражением, поскольку более чем допустимым представляется образ, согласно которому право — это источник света, а человеческое поведение — среда, через которую этот свет преломляется; результат этого преломления и есть правопорядок.

Человеческое поведение, в свою очередь, представляет собой явление сложное и многогранное. Как следствие, оно выступает предметом различных областей знаний: философии, психологии, физиологии, социологии, антропологии и др. В этот ряд следует включить и право. Данная категория раскрывается через человеческую активность, направленную на трансформацию внешней среды: «...каждое действие и деятельность человека в целом — это прежде всего воздействие, изменение действительности...»⁴⁴; «...поведение человеческих существ — это последовательный ряд приспособлений к условиям жизни...»⁴⁵. Очевидно, что при характеристике человеческого поведения должна учитываться не всякая активность людей.

В первую очередь необходимо акцентировать внимание на направленности такой активности. Она должна состоять в преобразовании окружающей среды.

У всех многоклеточных живых организмов активность обусловлена рефлексам (от лат. reflexus — отраженный), под которыми понимается стереотипная реакция живого организма на какое-либо воздействие, проходящая с участием центральной нервной системы. Рефлексы появляются у многоклеточных живых организмов, обладающих нервной системой, и осуществляются посредством ре-

⁴³ См., например: *Тит Ливий*. История Рима от основания города: в 3 т. / пер. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова; отв. ред. Е. С. Голубцова. Т. 1. М., 1989. С. 127.

⁴⁴ *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946. С. 537.

⁴⁵ *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 216.

флекторной дуги⁴⁶. У животных рефлексы складываются в инстинкты, т. е. совокупность врожденных тенденций и стремлений, выражающихся в форме сложного автоматического поведения. В узком смысле инстинкт — это совокупность сложных наследственно обусловленных актов поведения, характерных для особей данного вида при определенных условиях. У высших животных инстинкты подвергаются модификации под влиянием индивидуального опыта⁴⁷. Отметим, что к настоящему времени общепринятое определение инстинкта не сложилось, а некоторые вопросы, в том числе применимость данного термина к человеку, носят дискуссионный характер.

Человеческое поведение осуществляется под контролем, с одной стороны, сознания самого индивида, а с другой — социума, к которому он принадлежит. Из этого обстоятельства следуют два условия такого поведения: 1) его мотивированность не только рефлексами и инстинктами, но и интересами, которые проистекают из взаимодействия индивидов друг с другом; 2) его социальная значимость, т. е. отраженность в поведении других индивидов. Эти условия особенно важны при исследовании правопорядка. Если психолог, исследуя поведение, акцентирует внимание в первую очередь на внутренней — мыслительной — составляющей поведения, то для юриста главным образом интересна внешняя составляющая. Фактически углубленный анализ первой есть выход за пределы предмета правовой науки. Однако представляется недопустимым и ее полное игнорирование. Грань же, которая в этой сфере определяет собственно юридическое исследование человеческого поведения, проходит через интерес.

Понятие «интерес» является одним из наиболее сложных в современном отечественном научном дискурсе. При этом оно широко используется в различных дисциплинах — психологии и социологии, экономике и политологии. Бесспорно также его значение в юриспруденции, в которой его применение призвано обеспечить переход от субъективного восприятия права и правопорядка к объективному содержанию последних. Указанное значение понятия «интерес» обусловлено сочетанием отражения внутренней природы индивида и целого комплекса социальных закономерностей.

Данное обстоятельство требует выделения в общем понятии «интерес» двух основных аспектов — психологического и социального. Каждый из них определяет специфику методики исследования, обусловленную определенными предметными различиями. В первом случае делается акцент на внутрен-

нем мире человека, во втором — должны рассматриваться многочисленные социальные связи, внутри которых, как в коконе, он находится. При этом недопустимым представляется полное размежевание названных аспектов в рамках юриспруденции, поскольку именно «психологический» интерес лежит в основе человеческого поведения, а следовательно, его необходимо учитывать при познании сущности различных правовых средств и механизмов их действия. Здесь необходимо подчеркнуть, что общество есть совокупность индивидов, которые соизмеряют свои поведенческие акты как с внутренними потребностями, так и с существующими социальными ограничениями.

Из сказанного следует, что именно интерес представляется тем фокусом изучения любой историко-культурной общности и соответствующего ей правопорядка, который позволяет наиболее полно раскрыть существующие закономерности их генезиса, будучи неотделимым в силу своей природы от конкретной личности, общества и государства.

Интерес конкретного лица, государства или общества в целом должен рассматриваться как базовый импульс в генезисе любой правовой системы, любого правопорядка, что и определяет необходимость его досконального постижения в рамках сравнительного правоведения.

Необходимо подчеркнуть, что как индивидуальное, так и коллективное поведение людей стимулируется их потребностями. Любые действия совершаются исключительно для их удовлетворения. Современная психология и этология рассматривают в качестве базовых следующие потребности человека: самосохранение, продолжение рода и установление своего места в социальной структуре. В результате те представители указанных наук, которые признают инстинкты человека, выделяют инстинкт самосохранения, сексуальный и иерархический инстинкты, взаимодействие которых, по их мнению, определяет как структуру личности конкретного индивида, так и построение его социальных связей⁴⁸.

Однако «потребность» как в контексте конкретного человека, так и общества в целом — понятие более универсальное и не может ограничиваться указанными пределами. При этом нельзя отрицать, что человек запрограммирован природой на выживание, которое возможно при наличии определенных условий и средств. Если в какой-то момент эти условия и средства отсутствуют, то возникает состояние, побуждающее человека к активным действиям. Переживание лицом подобного состояния в психологии и называется потребностью.

⁴⁶ См., например: Словарь физиологических терминов / отв. ред. О. Г. Газенко. М., 1987. С. 320.

⁴⁷ См., например: Биологический энциклопедический словарь / под ред. М. С. Гилярова. М., 1989. С. 231.

⁴⁸ См., например: *Kantor J. R. A Functional Interpretation of Human Instincts // Psychological Review. 1920. No. 27. P. 50—72; Spink A. Information behavior. An evolutionary instinct. Dordrecht, 2010. 85 p.*

Ответная реакция человека на потребность может иметь форму инстинкта (неосознанная)⁴⁹ или интереса (осознанная). Однако удовлетворение потребностей ограничено различными внутренними (физиологическими, психологическими и т. п.) и внешними факторами. Их осознанное преодоление — реализация интереса — предполагает наличие у человека возможности трансформировать себя и окружающую реальность в целях удовлетворения своих потребностей.

Таким образом, зарождение феномена интереса обусловлено выходом человека из животного состояния, т. е. с началом использования огня, появлением первых орудий труда и приручением первых животных. Именно данные факторы обусловили зарождение принципиально нового типа регулирования отношений между людьми, отличного от регуляторных механизмов, существующих у других гоминидов.

Изначально интерес, предполагая преобразование окружающей среды и человека, не определен и бесконечен. Определенность, а следовательно, ограниченность он получает, вступая во взаимодействие (сталкиваясь) с интересами других людей. На диалектическом уровне следует признать, что определенный интерес есть прямая противоположность изначальному интересу. Взаимодействие же определенных интересов различных людей не должно рассматриваться как их противопоставление, конфликт, противодействие. Человек — социальный феномен, его интерес может быть действительным и реальным, исключительно соотносаясь и взаимодействуя с интересами других людей.

Необходимо учитывать, что потребность, определившая появление интереса, всегда предметна. В окружающем человека мире должен существовать некий предмет, способный ее удовлетворить⁵⁰. В юриспруденции для обозначения такого предмета используется понятие «блага». Блага могут быть материальными, т. е. иметь некое овеществленное выражение, либо нематериальными, когда такое выражение отсутствует. Российское законодательство для обозначения материальных благ использует, главным образом, понятие «вещь», однако не содержит ее определение. Обращаясь к зарубежному законодательству, следует отметить, что аналогичным образом дело обстоит и в Кодексе Наполеона. Германское гражданское уложение (§ 90 разд. 2 кн. 1) относит к

вещам исключительно телесные предметы. В законодательствах других стран данное понятие может быть несколько шире. Так, в новом Гражданском кодексе Чешской Республики (§ 489 Закона № 89/2012) под вещью «подразумевается все, что отделено от лица и служит для удовлетворения потребностей людей». Подчеркнем, что понятия материальных и нематериальных благ не ограничиваются исключительно гражданским правом. В различных вариациях они представлены во всех отраслях права, поскольку именно через них могут быть выражены различные потребности человека, государства и общества.

Если материальные блага овеществлены, обладают экономическим содержанием, имеющим некое стоимостное выражение, то нематериальные блага лишены этого. Потребность, которая удовлетворяется через них, не порождает интереса, реализация которого предполагает деятельность, которую принято определять как труд. В принципе благо может считаться материальным, если в нем «...овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд...»⁵¹. Провести четкую границу между благами материальными и нематериальными весьма трудно. Но именно человеческий труд лежит в ее основе.

На основании изложенного можно прийти к следующей достаточно простой логической цепочке. Интерес представляет собой осознанную необходимость удовлетворения некой потребности через преобразования самого себя или окружающей реальности. Такое преобразование может быть физическим или интеллектуальным в зависимости от характера потребности. Потребность может быть удовлетворена через воздействие (физическое или интеллектуальное) на конкретный предмет, выступающий в качестве материального или нематериального блага. Субъектами реализации интереса могут выступать конкретный человек, организованные группы людей, государство и общество в целом. Интересы людей непосредственно определяются их потребностями, состоянием нужды, которое они испытывают на психологическом уровне. Интерес государства как институциональной основы современного правопорядка выражается в некой трансформации общественных отношений с целью упорядочения сложившихся социальных связей, их защиты от внутренних по отношению к государству и внешних угроз. Соответственно, рассматривая реализацию интересов государства, мы обоснованно говорим о его внутренних и внешних функциях. Реализация общественных интересов определяется потребностью конкретной культурно-исторической общности в обеспечении интересов своих членов и, главное, в сохранении своего внутреннего единства, выражаемого в его организованном существовании как чего-то целостного.

⁴⁹ Подчеркнем, что отдельные представители современной психологии отрицают наличие у человека инстинктов, полагая, что они остались в животном мире, а у человека были вытеснены с появлением сознания (см., например: *Abraham H. Maslow. Motivation and Personality* // Reprinted from the English Edition by Harper & Row, Publishers 1954. New York, 1970. P. 35—59).

⁵⁰ См.: *Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность*. М., 1977. С. 190.

⁵¹ *Маркс К. Капитал. Критика политической экономии*. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. СПб., 2013. С. 44.

Интерес, будучи осознанной на различных уровнях (личности, коллектива, государства, общества) необходимостью в преобразовании окружающей реальности физически или интеллектуально с целью приобретения некоего блага, сам по себе потребность не удовлетворяет. Он представляет собой на индивидуальном или коллективном уровне акт ее осознания, но осознания не просто самой потребности, но и направления преобразования окружающего мира с целью ее удовлетворения. В этом качестве он не только служит побудителем к определенному поведению, но выступает тем импульсом, который запускает цепную реакцию формирования и функционирования конкретного правопорядка. При этом следует полностью согласиться с теми авторами, которые видят в нем фактор генезиса общественных отношений, определяющий их специфику⁵².

Интерес необходимо отличать и от потребности. Не правы те авторы, которые фактически ставят знак равенства между ними, определяя первый через вторую. Например, «...под интересами несовершеннолетних, — пишет А. М. Нечаева, — следует понимать их потребность в благоприятных условиях своего развития...»⁵³. Интерес — это не потребность. Интерес — это, в первую очередь, ее осознание. Даже не столько собственно осознание, сколько отражение потребности в индивидуальном и общественном сознании. Отражение не только потребности, но, главное, пути ее удовлетворения через трансформацию (физическую и (или) интеллектуальную) окружающего мира. При этом только отчасти можно считать, что интерес характеризует субъективную сторону общественного бытия. Интерес — это не мыслительный акт, не психический процесс. Он является именно отражением некой объективной данности — потребности — в сознании, причем не только и не столько индивидуальном, а в первую очередь в общественном. И в этом качестве интерес объективен. Он существует как бы отдельно от конкретного субъекта, более того, в определенный момент времени может им даже не осознаваться. Фактически интерес — это некий мостик, перекинутый между объективным и субъективным.

Еще раз необходимо подчеркнуть, что единственным путем реализации конкретного интереса является вступление его субъекта в некие общественные отношения, установление между ним и другими лицами устойчивых социальных связей. Вне таких свя-

зей интерес существовать не может, понятие «интерес» обесмысливается. Таким образом, общество не только может быть субъектом конкретного интереса, оно выступает средой их возникновения и реализации, предпосылкой их генезиса.

Социальные связи, имея объективные предпосылки, не возникают сами по себе. Их устойчивость обеспечивается наличием механизма преобразования интересов отдельных субъектов, некоего инварианта, обеспечивающего единообразие начальных и последующих условий взаимодействия внутри общества. В первобытном доклассовом обществе данный механизм был представлен единым социальным регулятором, близким по своему содержанию современной морали. Однако все усиливающаяся дифференциация общества обусловила выделение из него собственно морали, а также религии и права. Значение последнего в результате общественного развития все более усиливается, приобретая универсальный характер.

Объективное право в целом и конкретные правовые системы сами по себе представляются уникальными явлениями, обеспечивающими преобразование интересов в специально-правовые формы их реализации, а при необходимости и ограничения. Наиболее распространенной из указанных форм следует признать субъективные права. Однако наряду с ними можно говорить также о свободах и законных интересах. Необходимо помнить, что субъективное право не может существовать само по себе. Оно неразрывно связано с юридической обязанностью, образуя в совокупности правоотношение.

На этапе перехода от конкретного интереса к субъективному праву, свободе или законному интересу происходит трансформация осознания в целеполагание. Она более чем точно отражена Р. Иерингом, отмечавшим, что именно «цель» есть двигатель развития. «...Из цели может исходить закон причинной связи, но не наоборот... Природа указала человеку путь, которым он может склонять других людей к содействию его целям; таким путем служит для него соединение собственной цели с чужим интересом. На этой формуле основана вся наша человеческая жизнь: государство, общество, торговля и промышленный оборот...»⁵⁴. Данное обстоятельство обусловлено тем, что человеческое поведение определяется не только интеллектуальной составляющей, характеризующейся осознанностью потребностей, но и волевой, отражающей стремление к их удовлетворению.

Удивительно, но в силу различных причин со времен римского права интерес не был предметом действительного глубокого научного познания. Римские юристы даже практически не использовали данный термин. Если, например, обратиться к известному

⁵² См., например: *Субочев В. В.* Законные интересы / под ред. *А. В. Малько*. М., 2008; *Гершкович Б. Я.* Экономические интересы и их реализация. Питер, 1999; *Шайкенов Н. А.* Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990; *Глезерман Г. Е.* Исторический материализм и развитие социального общества. М., 1973.

⁵³ *Нечаева А. М.* Споры о неделимом // *Российская юстиция*. 2016. № 2. С. 15—18.

⁵⁴ *Иеринг Р.* Цель в праве // *Избранные труды*. Самара, 2003. С. 15, 40.

высказыванию Ульпиана о частном и публичном праве, которое современными отечественными исследователями, как правило, переводится в смысле, что публичное право служит для удовлетворения общего интереса, а частное — интересов отдельных лиц, то в оригинале слово «интерес» даже не употребляется — “...Publicum ius est quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem...” (Ulpianus, fr. 2. D. 1.1) — в переводе говорится о «состоянии государства» и «благе (выгоде) отдельных лиц».

Европейская юриспруденция также обращается к данной проблематике нечасто. Для немецких и французских специалистов в настоящее время она актуальна главным образом в контексте доступа к формализованной информации, например различным государственным реестрам или персональным данным (см., например, *Berechtigttes Interesse*; *L'intérêt légitime*). Несколько более значимое внимание ей уделяется в странах с англосаксонским правом. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в них право собственности на землю и отчасти капитал расщеплено, что позволяет нескольким лицам одновременно быть владельцами одного и того же имущества по различным основаниям. Для обозначения отношения указанных лиц к указанному имуществу и были использованы различные правовые конструкты, в основе которых лежит понятие «интерес» — *Equitable interest* (справедливый интерес), *beneficial interest* (интерес в получении выгоды) и т. п.

Особо следует остановиться на проблеме национальных интересов, о которой писал еще Г. В. Ф. Гегель: «...цель государства есть всеобщий интерес как таковой, а в нем сохранение особенных интересов...»⁵⁵. Однако в научный и политический оборот данное понятие вошло только в 1930-е гг. благодаря работам представителей американского реализма Ч. Бирда, Дж. Смита и Р. Нибура. С их точки зрения интересы общества, как и интересы отдельного человека, лежат в плоскости объективных законов, на биологическом уровне заложенных в человеческую природу⁵⁶. Европейские же реалисты были не столь категоричны, определяя истоки национальных интересов через политический и социокультурный контексты⁵⁷.

В рамках сравнительно-правовых исследований необходимо установление интересов всех уровней, а также взаимосвязей и взаимодействия между уровнями — индивидуальным и коллективным, государственным и общественным. Только учет выявленных таким образом закономерностей формирования и функционирования правовых систем, а также при-

роды правопорядков обеспечит репрезентативность результатов их сопоставления.

Важно отметить, что отдельные интересы и взаимосвязи между ними могут и должны быть теми критериями, которые позволят сформировать развернутую классификацию правовых систем и правопорядков.

«Изонома», «изоарха» и «изодика» — отражения специфики конкретных правопорядков в сравнительном правоведении. Бесспорной представляется заслуга Рене Давида, его предшественников и последователей в осознании общих закономерностей развития права, выразившегося во включении в понятийно-категориальный аппарат юриспруденции такого понятия, как «правовая семья», а также в разделении отдельных правовых систем между различными правовыми семьями. Данный подход позволил в прошлом веке обеспечить эффективное международное правовое сотрудничество, конечной целью которого была международная интеграция. Ее наиболее успешная модель, известная как глобализация, в настоящее время переживает глубокий кризис.

Успешность глобализации во многом была обусловлена использованием в рамках сравнительно-правовых исследований, проводившихся в течение прошлого века, таких укрупненных объектов, как правовая семья и правовая система. Данный методологический подход позволил достаточно быстро установить факторы, способствующие сближению различных правовых систем, формированию в результате их интеграции новых правопорядков. Однако его недостатком стало игнорирование специфических для каждого правового сообщества конструкций. Такие конструкции, казалось бы частные, не отражающие общие принципы правового регулирования, вместе с тем оказались более чем укоренены у определенных народов, выражая сложившийся баланс интересов, отражая специфику ландшафта и хозяйственного уклада.

Международная правовая интеграция является объективным процессом. Но ее успешность обусловлена действительно научным осознанием закономерностей правового развития конкретных народов. Для него не достаточно укрупненных форм, таких как правовая семья и правовая система. Подлинный баланс интересов возможно установить только через постижение частных (отдельных) правовых конструкций, каковыми могут быть специальные правовые институты и нормы, а также их структурные элементы или даже отдельные правовые идеи, лежащие в их основе.

В других науках, использующих компаративный подход, таких как лингвистика и этнография, необходимость исследования частных (отдельных, специальных) вопросов наряду с общими была осознана достаточно давно. При этом решение соответствующих познавательных задач осуществляется в их рам-

⁵⁵ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 328.

⁵⁶ См., например: *Kegley Ch. W. Reinhold Niebuhr: His Religious, Social and Political Thoughts*. New York, 2009.

⁵⁷ См., например: *Morgenthau Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 2nd ed. New York, 1954.

ках при помощи приемов и способов, заимствованных в естественных науках.

Так, XIX в. в физике был ознаменован развитием теории термодинамики, в рамках которой получило развитие учение об изопроцессах. Древнегреческий корень «изос» (ἴσος — равный, одинаковый) в данном случае обозначает неизменность одного из параметров состояния вещества при протекании такого процесса. Как правило, речь идет о давлении, объеме, температуре или энтропии. Соответственно, выделяют изобарный, изохорный, изотермический и изоэнтروпийный процессы. Первый предполагает изменение состояния термодинамической системы при постоянном давлении ($P = \text{const}$), при изохорном процессе константе равен объем, при изотермическом — температура, а при изоэнтропийном процессе — энтропия.

В дальнейшем идея установления некой общей для различных регионов характеристики погоды была использована метеорологами. В физике атмосферы появились понятия «изотерма», т. е. линия на географической карте, соединяющая точки с одинаковой температурой, и «изобара», отражающая общность атмосферного давления в определенной местности.

Уже из метеорологии понятие «изос» было воспринято сравнительно-исторической лингвистикой. Ее одной из базовых категорий стала «изоглосса» (от др.-греч. ἴσος «равный» и γλῶσσα «речь»). Она служила для обозначения линии на лингвистической карте, обозначающей границы распространения какого-либо языкового явления. Этот термин был впервые использован А. Биленштейном при исследовании языков балтийской языковой группы, в первую очередь латышского⁵⁸. Изоглосса служит для обозначения общих фонетических (изофона), морфологических (изоморфа), синтаксических (изосинтагма), лексических (изолекса) явлений. В рамках историко-сравнительного языкознания появился специальный раздел, изучающий изоглоссы, — лингвистическая география.

Самая известная в мировой истории изоглосса разделяла территорию Французского королевства в Средние века по течению реки Луара на северную и южную части — «Страну Уи» и «Страну Ок». К северу от этой линии в качестве утвердительной частицы используют «Уи» (oui — «да»), а к югу — «Ок» (hoc — «так»). Использование последней характерно также для северных районов Италии и Испании, где она используется вместо «Си» (si). Данное различие появилось еще в позднеримский период и было преимущественно преодолено только в XIX в. после формирования единой французской нации на осно-

ве единого современного французского языка. Однако и в наши дни жители южной Франции, северных Италии и Испании охотно используют в своей речи частицу «Ок» (hoc).

Языковые различия между идиомами Северной и Южной Франции во многом обусловлены климатическими, этническими и культурными причинами. Романизация Южной (Нарбонской) Галлии началась значительно раньше Северной. Она испытывала преимущественно латинское и иберийское влияние, в то время как Северная Галлия — германское. Существенными были различия в климате и как следствие — в хозяйственном укладе.

Жители «Страны Ок», фактически исчезнув, не выдержав многовекового противостояния в ходе Альбигойских крестовых походов с Северной Францией, двух столетних войн с Англией (XIV—XV вв.) и с Испанией (XVI—XVII вв.) и Великой французской революции, тем не менее подарили Средневековую куртуазную культуру, которая стала основой современного европейского образа жизни и базовых социальных ценностей европейцев. На этом диалекте говорили и слагали песни средневековые трубадуры, заложившие основу современной европейской поэзии и музыки. Именно его высмеивал Рошфор, издеваясь в Менге над Д'Артаньяном. Названия южных французов — окситанцы — и одной из южных провинций Франции — Лангедок — прямо указывают на рассматриваемую особенность местного говора.

Применительно к правовому регулированию в настоящее время уже существует область знаний, возникающая на стыке истории, географии и права, точнее, служащая отражением последнего в пространстве и во времени. Ее предметом выступают закономерности распространения правовых систем (их семей) в географическом пространстве, а также их генезиса. Чешский ученый-компаративист В. Кнапп в работе «Великие правовые системы: введение в сравнительное правоведение»⁵⁹ предложил называть эту науку юридической географией мира. Ее справедливо считать прикладным разделом сравнительного правоведения. Основная задача, стоящая перед представителями этой науки, состоит в отражении на географической карте мира границ действия той или иной правовой семьи в их многообразии и разнообразии с учетом исторических аспектов ее возникновения и развития⁶⁰.

Невозможно отрицать необходимость юридической географии. Однако то обстоятельство, что она оперирует главным образом такими укрупненными

⁵⁸ См.: Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert: ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands: mit einem Atlas von 7 Blätter. SPb., 1892.

⁵⁹ Knapp V. Velké právní systémy: úvod do srovnávací právní vědy. Praha, 1996.

⁶⁰ См., например: Wigmore J. The Panorama of the World's Legal Systems. Washington, 1928; Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / под ред. В. А. Туманова. М., 2003.

объектами сравнения, как «правовые системы», а тем более «правовые семьи», ограничивает ее познавательные возможности в части установления действительных взаимосвязей конкретных правовых систем и соответствующих им правовых порядков с природными условиями конкретных регионов, существующими в них хозяйственными укладами, этно-культурными особенностями местного населения, сложившимися политическими и социальными связями, взятыми не только в современных условиях, но и в контексте их исторического развития.

Рассмотрим пример. 16 октября 2018 г. Минфин России приказом № 208н утвердил Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды», вступающий в силу с 2022 г. Целью его разработки и утверждения является максимальное сближение российской системы бухгалтерского учета (РСБУ) с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО), действующими в европейских странах, а также в Японии и Канаде. Последние предполагают учет объектов аренды в качестве основных средств. Отечественный бухгалтерский учет до 2001 г. вообще не предусматривал отражение объектов аренды и их стоимости в бухгалтерском балансе. Только ПБУ 6/01 «Учет основных средств» установил принципиальную возможность учета объектов аренды в составе основных средств, однако его механизм оставался неразработанным до последнего времени.

В названных учетных системах действует общий принцип преобладания экономического смысла, а российская правовая система считается входящей в романо-германскую правовую семью, как и большинство стран, представители которых в свое время выступили организаторами Комитета по международным стандартам финансовой отчетности (КМСФО). Казалось бы, данных обстоятельств достаточно, чтобы рассматриваемые учетные системы не расходились так кардинально в таком, на первый взгляд, незначительном вопросе.

В основе данного расхождения между указанными учетными системами лежит существующее на доктринальном уровне несоответствие в одном из ключевых вопросов гражданско-правовой доктрины — о природе отдельных объектов гражданских прав. В основе позиции КМСФО лежит идея о том, что объектом гражданских прав применительно к аренде выступает сама вещь, следовательно, она должна учитываться как основное средство. Для разработчиков РСБУ первоначально объектом гражданских прав по договору аренды признавалась не вещь, а действие по ее предоставлению во временное владение и/или пользование. Данное, по сути логическое, противоречие обусловлено нормативной основой рассматриваемых учетных систем. Для МСФО такую основу образуют в первую очередь два кодифицированных акта, первый из которых был принят

еще в начале XIX в. — Кодекс Наполеона (фр. Code civil), а второй — в конце того же века — Германское гражданское уложение (нем. Bürgerliches Gesetzbuch, BGB). В то время, несмотря на его признание «юридическим столетием», не произошло еще четкое размежевание между вещными и обязательственными правами, что обусловило в ряде случаев различную квалификацию объектов гражданского права. Следует подчеркнуть, что аналогичные различия сохраняются и в ряде недавно принятых Гражданских кодексов. Одним из последних в Европе стал Чешский гражданский кодекс, принятый в 2012 г. (см. Закон 89/2012 Чешской Республики). В нем сохраняется отнесение залога (см. § 1309—1394) и удержания (см. § 1395—1399) к вещным правам.

Приведенный пример не ограничивается частными случаями аренды и залога. Он демонстрирует принципиальное размежевание отдельных правовых систем в рамках якобы единой романо-германской правовой семьи по вопросам квалификации объектов гражданских прав, в первую очередь связанных с правовой природой вещей. Наибольший интерес здесь представляет концепция единого объекта недвижимости, характерная в первую очередь для гражданского права Германии, а также других западноевропейских стран.

Если в российском гражданском законодательстве отдельными объектами недвижимости (вещами) признаются земельные участки, участки недр, здания и сооружения, помещения в них и даже такой «экзотический» предмет, как машино-места (см. ст. 130 ГК РФ), предпринимались попытки признать самостоятельными объектами недвижимости даже многолетние насаждения (см. ст. 130 ГК РФ в первоначальной редакции), то по Германскому гражданскому уложению объект недвижимости един, он объединяет как земельный участок, так и находящиеся в его границах недр, леса, воды, здания и сооружения и т. п.

Данная концепция находит отражение и в более позднем немецком законодательстве, например в Законе о праве собственности на жилье 1951 г.⁶¹ В соответствии с этой концепцией все материальные ценности, сконцентрированные на едином пространстве и неразрывно связанные с ним, представляют единую хозяйственную единицу, в результате они должны рассматриваться в качестве единой вещи. На доктринальном уровне немецкие исследователи, опираясь на работы в том числе римских юристов, в связи с этим рассматривают различия механического, пространственного и функционального соединения вещей. В судебной же практике Германии подчеркивается главенство земельного участка относительно возведенных на нем объектов. В данном вопросе

⁶¹ См., например: Леонтьева Е. А. Концепция единого объекта недвижимости в германском гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 2. С. 122—140.

очевидна преемственность между BGB и Кодексом Наполеона⁶². Интересно, что после объединения Германии вновь возникший общий правопорядок столкнулся с серьезными трудностями в интеграционном процессе именно в этой части. Главная из них заключалась в том, что в правовой системе ГДР упор был сделан на праве пользования и распоряжения, тогда как в праве ФРГ, как и прочих западных государств, закреплён приоритет института владения и вытекающих из него прав и обязанностей собственника⁶³.

В бывшей ГДР до ее вхождения в ФРГ формально так же, как и в последней, декларировался принцип единства объекта недвижимости (см. § 245 ГК ГДР, аналог § 94 BGB). Однако он допускал значительное число исключений. Так, государственные и кооперативные земли могли предоставляться гражданам для возведения и дальнейшего использования жилых домов и хозяйственных построек, а также под многолетние насаждения, которые в дальнейшем становились личной собственностью граждан и могли находиться в гражданском обороте отдельно от земельного участка. Указанные постройки отчуждались, наследовались, обременялись ипотекой (§ 289, 293, 452 ГК ГДР). Переход права собственности на них одновременно предполагал и переход соответствующего права на земельный участок, что подтверждалось официальным документом уполномоченного государственного органа⁶⁴.

Концепция единого объекта недвижимости в целом реализована и в гражданском законодательстве Чешской Республики; при этом, однако, предусмотрены законодательные изъятия из общего принципа целостности недвижимой вещи (§ 498 ГК ЧР), а также ряда других стран Восточной Европы.

Включение российской правовой системы в состав романо-германской правовой семьи обусловлено, в первую очередь, тем, что при разработке проекта Гражданского уложения Российской империи, а в дальнейшем ГК РСФСР 1922 г. за основу было принято Германское гражданское уложение. Следует подчеркнуть, что еще М. М. Сперанский предлагал взять Кодекс Наполеона за основу реформы правового регулирования гражданского оборота. Нельзя исключить его влияние и на разработчиков первых отечественных кодификаций в этой сфере⁶⁵. Но несмотря на всю кажущуюся близость российского права праву европейскому, не стоит их представлять как нечто единое. И концепция единого объекта недви-

жимости может служить примером этого. Непринятие ее отечественной цивилистикой имеет глубокие исторические корни. В Европе каждый клочок земли — это воплощенный труд многих поколений, овеществленный капитал, отражающий усилия различных людей еще со времен Римской империи. В России отношение к земле в силу существовавших в ней хозяйственных укладов несколько иное и не может быть принципиально изменено в ближайшее время.

Для обозначения таких характерных черт отдельных правовых систем и правопорядков, отражающих их неразрывную связь с различными местными условиями экономического, политического, социокультурного, природного и иного характера, предлагается ввести такие категории, как «изонома», «изоарха» и «изодика».

Изонома (от др.-греч. ἴσος «равный» и νόμος «закон») позволит отразить распространение того или иного общего для различных правовых систем и правопорядков правового явления, носящего нормативный характер. Примером изономы, позволяющим разграничить европейские и евразийские правопорядки, может служить восприятие идеи единого объекта недвижимости. Именно данный признак выделяет российский правопорядок из континентального, несмотря на очевидные общие правовые корни — римское право — и схожесть структуры правовых систем.

Изоарха (от др.-греч. ἴσος «равный» и ἄρχη «править», «служить основой») позволит отразить распространение того или иного общего для различных правовых систем и правопорядков правового явления, носящего институциональный характер. Примером изоарха, позволяющим объединить все современные правопорядки, может служить восприятие идеи разделения властей на основе выделения исполнительной, законодательной и судебной ветвей. Именно конституционное закрепление данного механизма отличает все современные демократические правопорядки.

Изодика (от др.-греч. ἴσος «равный» и δικαιοσύνη «справедливость») позволит отразить распространение того или иного общего для различных правовых систем и правопорядков правового явления, через которое устанавливается связь между правопорядком, с одной стороны, и общественным сознанием — с другой. Здесь речь идет об основополагающих принципах, обеспечивающих устойчивость конкретного правопорядка. Так, общим для всех европейских правопорядков, а также правопорядков, выделившихся из них (северо-американских, латино-американских, австралийского и новозеландского), вне зависимости от того, к какой правовой семье, континентальной или англосаксонской, они относятся, является принцип неприкосновенности собственности.

Подводя итоги рассмотрения правопорядка и интересов в контексте развития сравнительного пра-

⁶² См., например: *Rosenbauer H.* Das Wohnungs- bzw. Teileigentum und seine Einordnung in das bürgerliche Recht. Nürnberg, 1968. S. 68.

⁶³ См., например: *Леонтьева Е. А.* Указ. соч. С. 137—138.

⁶⁴ *Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch.* Band 6. Sachenrecht. § 854—1296. 4. München, 2004. S. 737—738.

⁶⁵ См., например: *Захватаев В. Н.* Кодекс Наполеона. М., 2012. С. 352—355.

воведения, необходимо остановиться на следующих тезисах, отражающих авторскую позицию по исследуемой проблематике.

1. Одним из базовых объектов сравнительного правоведения должен быть признан правопорядок как в своем общем значении, т. е. в качестве результата действия права, так и рассматриваемый самостоятельно и во взаимодействии с другими конкретный правопорядок, т. е. результат действия конкретной правовой системы, имеющей пространственные и временные пределы.

Вне зависимости от значения, которое мы вкладываем в понятие «правапорядок», рассматриваем ли мы его в качестве общего правового явления или исследуем конкретный правопорядок, мы должны признать его как объективную реальность. Объективность правопорядка выражается в том, что данная категория отражает достигнутое единство в борьбе противоположностей, то самое «золотое сечение» между двумя сторонами всякого социального явления или процесса, которое было установлено еще древними греками и определено через понятия меры и закона. При этом правопорядок есть безусловная социальная целесообразность. Она должна восприниматься каждым, без различия пола и возраста, профессии и образования, социального и имущественного положения.

Характеризуя правопорядок как объективную реальность, необходимо подчеркнуть, что он выступает обратным отражением. Право как социальный регулятор отражает общественные отношения в общественном сознании. В свою очередь, будучи результатом действия права, правопорядок выражает состояние упорядочения общественных отношений.

2. Не меньшее значение в дальнейшем развитии сравнительного правоведения должна иметь такая категория, как интерес. Интерес — это в первую очередь осознание некой потребности, даже не столько собственно осознание, сколько ее отражение в индивидуальном и общественном сознании, отражение не только самой потребности, но, главное, пути ее удовлетворения через трансформацию (физическую и/или интеллектуальную) окружающего мира. При этом только отчасти можно считать, что интерес характеризует субъективную сторону общественного бытия. Это не мыслительный акт, не психический процесс, он является именно отражением некой об-

ективной данности — потребности — в сознании, причем не только и не столько индивидуальном, но в первую очередь в общественном. И в этом качестве интерес объективен. Он существует как бы отдельно от конкретного субъекта, более того, в определенный момент времени может им даже не осознаваться. Фактически интерес — это некий «мостик», перекинутый между объективным и субъективным.

Именно интерес является тем фокусом изучения любой историко-культурной общности и соответствующих ей правовой системы и правопорядка, который позволяет наиболее полно раскрыть существующие закономерности их генезиса, будучи неотделимым в силу своей природы от конкретной личности, общества и государства. Интерес конкретного лица, государства или общества в целом должен рассматриваться как базовый импульс в генезисе любой правовой системы, любого правопорядка, что и определяет необходимость его досконального постижения в рамках сравнительного правоведения.

Интерес представляет собой осознанную необходимость удовлетворения некой потребности через преобразование самого себя или окружающей реальности. Такое преобразование может быть физическим или интеллектуальным в зависимости от характера потребности. Потребность может быть удовлетворена через воздействие (физическое или интеллектуальное) на конкретный предмет, выступающий в качестве материального или нематериального блага. Субъектами реализации интереса могут выступать конкретный человек, организованные группы людей, государство и общество в целом.

Интересы людей непосредственно определяются их потребностями, состоянием нужды, которое они испытывают на психологическом уровне. Интерес государства как институциональной основы современного правопорядка выражается в некой трансформации общественных отношений в целях упорядочения сложившихся социальных связей, их защиты от внутренних по отношению к государству и внешних угроз. Реализация общественных интересов определяется потребностью конкретной культурно-исторической общности в обеспечении интересов своих членов и, главное, в сохранении своего внутреннего единства, выражаемого в его организованном существовании как целостного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Abraham H. Maslow. *Motivation and Personality* // Reprinted from the English Edition by Harper & Row, Publishers 1954. New York, 1970.
- Bielenstein A. *Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert: ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands: mit einem Atlas von 7 Blätter*. SPb., 1892.
- Bobbio N. *Teoria dell'ordinamento Giuridico*. Torino, 1960.
- Bogdan M. *Comparative Law*. Kluwer, 1994.
- Kantor J. R. *A Functional Interpretation of Human Instincts* // *Psychological Review*. 1920. No. 27.
- Kegley Ch. W. *Reinhold Niebuhr: His Religious, Social and Political Thoughts*. New York, 2009.

- Kelsen H. The Concept of the Legal order / translated by Stanley L. Paulson // Oxford Journal. 1982. No. 27 (1).
- Knapp V. Velké právní systémy: úvod do srovnávací právní vědy. Praha, 1996.
- Morgenthau Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 2nd ed. New York, 1954.
- Nunez X.-M. The region as Essence of Fatherland: Regionalist variants of Spanish Nationalism (1840—1936) // European History Quarterly. 2001. Vol. 31 (4).
- Rosenbauer H. Das Wohnungs-bzw. Teileigentum und seine Einordnung in das bürgerliche Recht. Nürnberg, 1968.
- Spink A. Information behavior. An evolutionary instinct. Dordrecht, 2010.
- Wigmore J. The Panorama of the World's Legal Systems. Washington, 1928.
- Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994.
- Алексеев С. С. Теория государства и права. М., 1986.
- Аристотель. Афинская политика // Политика. М., 1997.
- Аристотель. Никомахова этика. М., 1997.
- Артемьева Ю. А., Борисова Е. А., Ермакова Е. П. и др. Способы разрешения споров в разнотипных правовых системах: учеб. пособие. М., 2017.
- Башкина О. Г. В. Лейбниц о разделении суверенитета // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 3.
- Биологический энциклопедический словарь / под ред. М. С. Гилярова. М., 1989.
- Гегель Г. В. Ф. Феноменология Духа. Философия истории. М., 2007.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 2007.
- Гершкович Б. Я. Экономические интересы и их реализация. Пятигорск, 1999.
- Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973.
- Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. М., 2006.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1998.
- Емельянов А. С., Черногор Н. Н. Правовая система: экономическое поведение и его правовая форма // Законодательство и экономика. 2016. № 8.
- Захватаев В. Н. Кодекс Наполеона. М., 2012.
- Иеринг Р. Цель в праве // Избранные труды. Самара, 2003.
- Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Собр. соч. М., 1994. Т. 4.
- Казимирчук В. П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10.
- Кант И. Метафизика нравов // Критика практического разума. СПб., 1995.
- Каппелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
- Леонтьева Е. А. Концепция единого объекта недвижимости в германском гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 2.
- Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1988.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. СПб., 2013.
- Марченко М. Н. Место и роль сравнительного правоведения в системе научных и учебных дисциплин // Методология сравнительного правоведения: матер. конф. (Москва, 5 декабря 2011 г.) / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2012.
- Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1933.
- Нечаева А. М. Споры о неделимом // Российская юстиция. 2016. № 2.
- Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2010.
- Общее учение о правовом порядке: восхождение правового порядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019.
- Рабинович П. М. Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
- Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / под ред. В. А. Туманова. М., 2003.
- Сергеевич В. И. Древности русского права: в 3 т. М., 2007. Т. 1.
- Словарь физиологических терминов / отв. ред. О. Г. Газенко. М., 1987.
- Субочев В. В. Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М., 2008.
- Тит Ливий. История Рима от основания города: в 3 т. / пер. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова; отв. ред. Е. С. Голубцова. Т. 1. М., 1989.
- Тихомиров Ю. А. Критерии сравнительно-правового анализа национальных законодательств // Методология сравнительного правоведения: матер. конф. (Москва, 5 декабря 2011 г.) / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2012.
- Тихомиров Ю. А. Суверенитет в условиях глобализации // Право и политика. 2006. № 11.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002.
- Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: в 2 т. М., 2019.
- Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2001.
- Шабуров А. С. Теория государства и права. М., 1997.

- Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990.
- Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911.
- Шибутанн Т. Социальная психология. М., 1969.
- Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
- Шпрингер Р. Национальная проблема. М., 2010.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М., 1985. Т. 3.
- Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976.
- Явич Л. С. Социалистический правопорядок. Л., 1972.

REFERENCES

- Abraham H. Maslow. *Motivation and Personality*. Reprinted from the English edition by Harper & Row, Publishers 1954. New York, 1970.
- Alekseev S. S. *Teoriya gosudarstva i prava*. Moscow, 1986.
- Alekseev S. S. *Gosudarstvo i pravo. Nachal'nyy kurs*. Moscow, 1994.
- Aristotel'. *Afinskaya politiya. Politika*. Moscow, 1997.
- Aristotel'. *Nikomakhova etika*. Moscow, 1997.
- Artem'eva Yu. A., Borisova E. A., Ermakova E. P. et al. *Sposoby razresheniya sporov v raznosistemnykh pravoporyadkakh*. Moscow, 2017.
- Bashkina O. G. V. *Leybnits o razdelenii suvereniteta. Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2015, vol. 14, no. 3, pp. 93—105.
- Bielenstein A. *Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert: ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands: mit einem Atlas von 7 Blätter*. St. Petersburg, 1892.
- Biologicheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Ed. by M. S. Gilyarov. Moscow, 1989.
- Bobbio N. *Teoria dell'ordinamento Giuridico*. Torino, 1960.
- Bogdan M. *Comparative Law*. Kluwer, 1994.
- Cherdantsev A. F. *Teoriya gosudarstva i prava*. Moscow, 2001.
- David R., Zhoffre-Spinozi K. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti*. Moscow, 1998.
- Emel'yanov A. S., Chernogor N. N. *Pravoporyadok: ekonomicheskoe povedenie i ego pravovaya forma. Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2016, no. 8.
- Engel's F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva*. In Marks K., Engel's F. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, 1985. Vol. 3.
- Gegel' G. V. F. *Fenomenologiya Dukha. Filosofiya istorii*. Moscow, 2007.
- Gegel' G. V. F. *Filosofiya prava*. Moscow, 2007.
- Gershkovich B. Ya. *Ekonomicheskie interesy i ikh realizatsiya*. Pyatigorsk, 1999.
- Glezerman G. E. *Istoricheskiy materializm i razvitie sotsialisticheskogo obshchestva*. Moscow, 1973.
- Grinin L. E. *Proizvoditel'nye sily i istoricheskiy protsess*. M., 2006.
- Iering R. *Tsel' v prave. Izbrannyye trudy*. Samara, 2003.
- Il'in I. A. *Obshchee uchenie o prave i gosudarstve. Sobranie sochineniy*. Moscow, 1994. Vol. 4.
- Kant I. *Metafizika нравов. Kritika prakticheskogo razuma*. St. Petersburg, 1995.
- Kantor J. R. A Functional Interpretation of Human Instincts. *Psychological Review*, 1920, no. 27.
- Kappeler A. *Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya: vzniknovenie, istoriya, raspad*. Moscow, 2000.
- Kazimirchuk V. P. *Sotsial'nyy mekhanizm deystviya prava. Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1970, no. 10.
- Kegley Ch. W. Reinhold Niebuhr: His Religious, Social and Political Thoughts. New York, 2009.
- Kelsen H. The Concept of the Legal order. Translated by Stanley L. Paulson. *Oxford Journal*, 1982, no. 27 (1).
- Knapp V. *Velké právní systémy: úvod do srovnávací právní vědy*. Praha, 1996.
- Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moscow, 1977.
- Leont'eva E. A. *Kontseptsiya edinogo ob'ekta nedvizhimosti v germanskom grazhdanskom prave. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2011, no. 2.
- Lokk Dzh. *Dva traktata o pravlenii. Sochineniya*. Vol. 3. Moscow, 1988.
- Marchenko M. N. *Mesto i rol' sravnitel'nogo pravovedeniya v sisteme nauchnykh i uchebnykh distsiplin. Metodologiya sravnitel'nogo pravovedeniya*. Ed. by Yu. A. Tikhomirov. Moscow, 2012.
- Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii*. Vol. 1. Book 1: *Protsess proizvodstva kapitala*. St. Petersburg, 2013.
- Morgan L. G. *Drevnee obshchestvo ili issledovanie liniy chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii*. Leningrad, 1933.
- Morgenthau Hans J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 2nd ed. New York, 1954.
- Nechaeva A. M. *Spory o nedelimom. Rossiyskaya yustitsiya*, 2016, no. 2.
- Nunez X.-M. The region as Essence of Fatherland: Regionalist variants of Spanish Nationalism (1840—1936). *European History Quarterly*, 2001, vol. 31 (4).

- Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs. Ed. by M. N. Marchenko. Moscow, 2010.
- Obshchee uchenie o pravovom poryadke: voskhozhdenie pravoporyadka. Vol. 1. Ed. by N. N. Chernogor. Moscow, 2019.
- Rabinovich P. M. Uprochenie zakonnosti — zakonomernost' sotsializma. L'vov, 1975.
- Rosenbauer H. Das Wohnungs-bzw. Teileigentum und seine Einordnung in das bürgerliche Recht. Nürnberg, 1968.
- Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii. Moscow, 1946.
- Saidov A. Kh. Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti). Ed. by V. A. Tumanov. Moscow, 2003.
- Sergeevich V. I. Drevnosti russkogo prava. Moscow, 2007. Vol. 1.
- Shaburov A. S. Teoriya gosudarstva i prava. Moscow, 1997.
- Shaykenov N. A. Pravovoe obespechenie interesov lichnosti. Sverdlovsk, 1990.
- Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava. Moscow, 1911.
- Shibutann T. Sotsial'naya psikhologiya. Moscow, 1969.
- Shpengler O. Zakat Evropy. Moscow, 1993.
- Shpringer R. Natsional'naya problema. Moscow, 2010.
- Slovar' fiziologicheskikh terminov. Ed. by O. G. Gzenko. Moscow, 1987.
- Spink A. Information behavior. An evolutionary instinct. Dordrecht, 2010.
- Subochev V. V. Zakonnye interesy. Ed. by A. V. Mal'ko. Moscow, 2008.
- Tikhomirov Yu. A. Kriterii sravnitel'no-pravovogo analiza natsional'nykh zakonodatel'stv. *Metodologiya sravnitel'nogo pravovedeniya*. Ed. by Yu. A. Tikhomirov. Moscow, 2012.
- Tikhomirov Yu. A. Suverenitet v usloviyakh globalizatsii. *Pravo i politika*, 2006, no. 11.
- Tit Liviy. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda. Ed. by M. L. Gasparov, G. S. Knabe, V. M. Smirin. Vol. 1. Moscow, 1989.
- Toynbi A. Dzh. Postizhenie istorii. Moscow, 2002.
- Tsvaygert K., Ketts Kh. Sravnitel'noe chastnoe pravo. Moscow, 2019.
- Wigmore J. The Panorama of the World's Legal Systems. Washington, 1928.
- Yavich L. S. Obshchaya teoriya prava. Leningrad, 1976.
- Yavich L. S. Sotsialisticheskij pravoporyadok. Leningrad, 1972.
- Zakhvataev V. N. Kodeks Napoleona. Moscow, 2012.